Беседа Добчинского с Бобчинским.

— Были вы, Петр Иваныч, в Малом театре на трехсотом представлении "Горе от ума"?

— Был и сильно огорчился. Как бы я был счастлив, если бы мог присутствовать в этом же театре на тридцатом представлении бессмертной Грибоедовской комедии!

— Почему же вам, Петр Иваныч, не понравился этот спектакль?

— Потому что я вспомнил, с кем я когда-то на Малой сцене "Горе от ума" видел. Как тогда играли, как играли! И где теперь все эти исполнители? "Иных уж нет, а те далече"... Из всей "стаи славных" остался теперь в этой пьесе один только Ленский. А остальные... Бог им судья! Для юбилейного спектакля могли бы и лучше распределить роли!

— Очень вы уж строгий судья, Петр Иваныч!

— Ничего не поделаешь. На старой школе воспитан...

— А что вы, Петр Иваныч, скажете насчет победы "кадетов"?

— Что же мне вам сказать? Поживем, увидим: к добру это или к худу. Но только боюсь я, что "кадеты" опять станут высиживать в Думе "болтунов", и ничего из этого, кроме вреда, не получится.

— А читали вы, что Москва еще один водопровод строить собирается?

— Как же, как же! Это, значит, третий по счету.

Не слишком ли много воды и не слишком ли много денег, "пущенных в воду"?

— Вы что же думаете, денег не хватит? Не забудьте, что Москве удалось новый заем у банкиров сделать, так что она теперь "при деньгах".

— Это, разумеется, очень хорошо, но ведь и, кроме воды, есть о чем сейчас Москве подумать. Возьмите хоть, например, борьбу с возвратным тифом.

— А, кстати: разве он не ослабевает?

— В том то и штука, что нет. Борьба ведется, как говорится, "не по всему фронту", и для этой борьбы не все "резервы" вызваны. Тех средств, которые организованы на борьбу, мало, а "добавочные суммы" почему то не ассигновываются.

— Да, хорошо, знаете, если у города имеются три водопровода, но не плохо также, если в городе нет возвратного тифа.

— А как обстоит в столице дело с праздничным, отдыхом?

— Налаживается помаленьку отдых, и обыватель начинает привыкать к новому распорядку, да вот только хозяева все уступать позиции не хотят. Не проходит дня, чтобы от них "депутация" с ходатайством не отправлялась. Миллион двести тысяч депутации!

— Ну, и что же?

—Разумеется, ходатайства не удовлетворяются. Закон, ведь одинаков для всех. У парикмахеров сорвалось, фотографам разрешили делать по праздникам "съемку" только хозяевам лично, а никак не служащим.

— А слыхали вы, что обыватели Сретенки и Мясницкой в большой тревоге находятся?

— А чего же им особенно тревожиться?

— Ну, не скажите! Я бы тоже встревожился, если бы на одной из этих улиц жил.

— Да по какому поводу?

— А по такому, что там не сегодня-завтра движение трамвая открыться должно.

— Ну, и слава Богу!

— Так-то оно так, но не забудьте, что улицы эти очень узкие и движение на них сильное, а "нрав" нашего трамвая вам, кажется, хорошо известен.

— Я же вам в прошлый раз говорил, что трамвай "упорядочивается", уж один уход главного инженера чего стоит. И превосходно мы будем с вами ездить и по Мясницкой, и по Сретенке, и по Арбату, в по Моховой.

— Вашими бы устами да мед пить! А я все-таки на первое время поостерегусь по Мясницкой да по Сретенке ходить: береженого и Бог бережет...

— А вот Чистопрудного бульвара мне жалко. Представьте, его "перерезают", чтобы через него проезд сделать!

— Действительно, жалко. Бульвары — лучшее украшение Москвы, и не грех бы их пощадить!

Проговорился.

— Ах, какая чудная брошь! Спасибо, спасибо!

— Ради вас, очаровательная, я готов задолжать втрое больше!..

"Труженица".

— Ну, вот и еще один новый день наступает! Чем же, однако, мне его заполнить? Платье вчера примеряла, муж вернется только вечером. Разве вот что: поеду заказывать себе новое платье!..

"Детские письма".

(Рассказ)

С легкой руки детского журнала "Задушевное Слово" открывшего лет десять тому назад свои страницы для писем своих малолетних подписчиков, многие новейшие детские журналы сделали то же, и у них появились отделы для детских писем, а так как вступающих в публичную переписку с редакциями детей немного, то предприимчивые редакторы таких журналов сами принялись сочинять "Детские письма", или же давали делать это кому-нибудь из сотрудников, причем "детские письма", сочиненные людьми зрелыми и детской натуры не знающими, выходили или выходят весьма дикими, нелепыми, уродливыми и смешными, похожими при этом одно на другое как две капли воды, по стилю, по конструкции, по уродливости псевдо-детского языка, и отличаются лишь содержанием.

"Милая редакция!" — пишут обыкновенно "подделанные дети".— Мне папа выписал ваш журнал, и я охотно читаю его. Я попрошу папу выписать его и в будущем году. Особенно нравится мне милая повесть милого Андрона Евтищева "Собачка Биби".

Кто еще из подписчиков читает эту милую повесть? Отвечайте в следующем номере. Вася Гусаков, 8 лет".

В следующем номере вымышленному Васе Гусакову такой же вымышленный "Миша Пухлявкин, семи лет" отвечает, что повесть "Собачка Биби" ему тоже очень нравится и что "милая мама" выписала ему "милый журнал" для дня ангела.

Ну, и так далее, — все сплошная реклама "милому"' журналу, "милой редакции", "милому редактору" и "милым сотрудникам".

В журнале "Пеленки" отделом детских писем заведовал дальний родственник издателя, отставной интендантский чиновник Лука Вавилович Брюквин, человек сильно запивающий, потерявший образ и подобие Божие и ни на что более не способный; издатель полагал, что родственник его впал уже в детство и что его письма будут действительно похожи на письма детей.

Предполагая так, издатель ошибался, но Брюквин письма писал и получал гривенник за штуку, зарабатывая таким образом на табак и "сотку" в праздничный день, харчи и уголь получая от родственника и от него же имея обноски.

Однажды среди писем, восхваляющих "милый" журнал и "милые" повести, было напечатано такое "детское письмо" Луки Брюквина: "Милая редакция! Мне очень нравится ваш журнал, который я иногда читаю у своего богатого и счастливого товарища, но сам я очень бедный и несчастный мальчик, у которого нет даже сапог и панталончиков! Не будет ли мне несколько номеров журнала с милою повестью "Мамина кукла" бесплатно? Если можно, то пусть редакция ответит мне в следующем номере и я сам приду за журналом. Сережа Пузырев, семи лет".

У журнала "Пеленки" было мало подписчиков, очень даже мало, но тем не менее были все же, ибо у каждого журнала есть хотя бы два-три десятка подписчиков, и вот в числе этих малочисленных подписчиков нашелся добрый, отзывчивый мальчик, сын, вероятно, столь же добрых и отзывчивых, но малоосведомленных и недальновидных родителей, которого письмо «Сережи Пузырева, семи лет», глубоко тронуло.

Тронуло письмо доброго мальчика, и он послал в редакцию десять рублей с просьбой передать "Сереже Пузыреву, семи лет, на панталончики, на сапоги и на журнал".

Десять рублей получили и собрали совет из всех членов редакции, дабы решить вопрос — как поступить с этими деньгами.

— Они мои, эти десять рублей! — горячо доказывал Брюквин, бия себя в грудь. — Они присланы "Сереже Пузыреву, семи лет", а Сережа Пузырев — это я!.. Я автор письма, и, конечно, деньги принадлежат мне!..

— Нет! — столь же горячо возражал издатель. — Нет, Лука, они не твои, они принадлежат издателю, то есть мне.. Сережа Пузырев — фикция, миф, такого нет и не было, — следовательно, деньги принадлежат тому, кому адресованы, адресованы же они в редакцию, редакция же — это я, только я!..

— Нет! — вопил уже Брюквин. — Нет, клянусь всем святым, что нет!.. Что такое "Сережа Пузырев"? Сережа Пузырев совсем не фикция и не миф, а - псевдоним Луки Брюквина, и если десять рублей присланы Сереже Пузыреву, то они принадлежат Луке Брюквину!.. В нашем журнале детские песенки пишет господин Вышибалов под псевдонимом "Дед Назарыч", — кому же бы вы отдали деньги, если б они были присланы на имя деда Назарыча? Несомненно, Вышибалову!..

— Да, он прав, — согласился присутствующий тут Вышибалов, думая, что кто-нибудь пришлет и на имя "деда Назарыча".

Спорили они с двенадцати часов утра до шести вечера и постановили: пять рублей отдать Брюквину, а пять - в фонд редакции, "на улучшение внешнего вида журнала".

В следующем номере было напечатано извещение редакции, которое гласило, что полученные "от неизвестного" десять рублей в пользу Сережи Пузырева отданы по назначению.

Добрый мальчик, приславший деньги, думает, что Сережа благодаря ему ходит в панталончиках, в сапогах и читает детский журнал...

Комар.

Перепись.

Слухи слева, слухи справа...
Вот последний "крик" молвы:
В феврале начнет Управа
Делать перепись Москвы.
Население столицы
Перепишут в эти дни,
Со "статистикой" таблицы
После выпустят они.
И туда, в столбцы табличек,
Попадем мы все, ей-ей!
"Перепишут" всех москвичек,
"Перепишут" москвичей.
Много будет, без сомненья,
В дело вложено труда,
Мы узнаем населенья
Цифру точную тогда.
Склонен я к обширным планам,
Не могу не пожелать,
Чтобы перепись могла нам
И другие факты дать.
Объяснили на таблице
Если б нам без лишних слов,—
Сколько есть у нас в столице
Аферистов-шулеров?
И "почтенных" хулиганов
Сколько числится у нас,—
Тех, что тащат из карманов,
И колотят нас подчас?
И "тотошников" столичных
Неизвестен нам итог:
Сколько выводов различных
Их подсчет нам дать бы мог!
Ах, статистикам, бесспорно,
Подсчитать бы нужно дам,
В клуб стремящихся упорно,
Проводящих ночи там!
К разрешенью сей задачи
Ты, Москва, пойти должна,
Ибо перепись иначе
Будет очень не точна!..

Нервный гражданин.

В музыкальном магазине.

— Какое бы вы, сударыня, желали иметь пианино?

— На котором моя дочка смогла бы играть в четыре руки!

Афоризм пьяницы.

— Я еще понимаю, когда человек ничего не пьет. Но когда он мало пьет, — этого я никак не пойму!..

М.

У мирового.

— Вы занимаетесь прошением милостыни.

— А что же мне делать? Кабы я был на вашем месте, — ни в жизнь бы этим не занимался!

Письмо Хлестакова.

Душа Тряпичкин!

Ура! Наша взяла! Мы, "кадеты", победили!.. Я вижу отсюда, как ты делаешь изумленные глаза, потому что я не раз тебя уверял, что я — беспартийный: ни "кадет", ни "эс-эр", ни "эс-дек ", ни "пе-пе-пе". Совершенно верно, я и сейчас продолжаю утверждать, что я— беспартийный. Но почему, спросишь ты, я в таком восторге от победы "кадетов"? Очень просто. Победа "кадетов" предоставила мне случай превосходно поужинать, да еще на дармовщинку. На другой день после выборов "кадеты", как и в прошлом году, устроили банкет в Литературно-Художественном кружке. Ну, натурально, и я туда примазался. "А вы разве принадлежите к нашей партии?"— спрашивают меня. "На сегодня я — весь ваш, от начала и до конца ужина!" — отвечаю. Ну уж и поужинал, могу сказать! Меню было превосходное, в чисто "кадетском" стиле. Борщок с "выборгскими дьяблями", рыба, соус "статья 126-я", куропатки "á-la болтуны" и т.д. в том же духе. После ужина и изрядно выпитого шампанского мне уже стесняться было нечего, и я заявил: "Господа, должен признаться, что я — беспартийный, но ради хорошего ужина готов посочувствовать каждой партии". "Кадетам", представь, мое признание очень понравилось. Спросили, не хочу ли я поступить к ним в ораторы. Наотрез отказался. "Ужинать, — говорю, — буду с вами сколько угодно, а от разговоров избавьте!"

Вот что, Тряпичкин: не знаком ли ты с князем Бебутовым? Тем самым, который на аукционе у Кедрина за пепельницу, оцененную в 25 копеек, отвалил не больше, не меньше, как тысячу рублей? Прямо необычайной души человек, и мне хотелось бы обратиться к нему с просьбой. На этих днях продают мое имущество за долг в 48 копеек. Не приедет ли добрый князь на аукцион моих вещей? Среди них находится, между прочим, веревочка, та самая, которую, помнишь, мой Осип из дома городничего захватил, когда мы с ним из этого скверного городишки удирали. Историческая, так — сказать, веревка!

Оценка ей — четверть копейки. Ну, что стоит князю приобрести ее тысячи за полторы? И ему удовольствие, и мне кругленькая сумма останется. Разыщи его, пожалуйста, Тряпичкин, и передай мою просьбу. Для личных переговоров я могу сам приехать, если, конечно, он оплатит мне дорогу.

Моя новая опера "Жизнь Латинского квартала" идет здесь с очень хорошим успехом. По поводу этой оперы у меня была депутация от "истинно-русских москвичей". Депутация доказывала мне, что я неправильно озаглавил свою оперу, что кварталов теперь больше не существует и что я должен был бы назвать свою оперу: "Жизнь Латинского участка". Пришлось разъяснить, что действие оперы происходит не в Москве, а в Париже. Тогда только они поняли, в чем дело. И согласились с тем, что опера названа правильно.

Знаешь, Тряпичкин, москвичи ведь очень эксцентричны. Они, пожалуй, в этом американцам не уступят. Представь себе, обращаются на днях ко мне с просьбой. "Дайте нам, Иван Александрович, возможность увидать железнодорожную катастрофу в самом городе. А то всегда эти катастрофы где-то за городом происходят, и мы лишены возможности их наблюдать." Не правда ли, очень эксцентричное желание? Но так как я люблю все эксцентричное и сам, к слову сказать, эксцентрик большой руки,— то и не мог отказать москвичам в их просьбе. "Извольте, говорю, устрою. В самом, так сказать, центре города устрою, — на Каланчевской площади!" И, ведь, что ты думаешь? Устроил, ей-Богу,

Понял.

— Ну-с, и так, что же требуется для двойной бухгалтерии?

— Иметь в конторе двух бухгалтеров!

устроил! И не обыкновенное железнодорожное крушение, а "железно-дорожно-подсолнечное". На переезде у Каланчевской площади такой приспособительный "башмак" устроил, что вагон с подсолнухами с рельсов соскочил и опрокинулся. Натурально, из разбитого вагона посыпались подсолнухи, и образовалась, если можно так выразиться, "подсолнечная гора". Вот, скажу тебе, была потеха! Вся Каланчевская площадь бросилась грызть подсолнухи! Все грызли — и дамы, и, кавалеры, и извозчики, и трамвайные кондуктора, и городовые, и ночные сторожа. Все остались очень довольны. Обещал в следующий раз усроить "железно-дорожно-фруктовое" крушение. Фрукты все-таки вкуснее подсолнухов. Очень благодарили за обещание.

Прощай, больше писать некогда. Отправляюсь на поиски "экспроприаторов", которые среди бела дня на Долгоруковской улице у артельщика винного склада сорок шесть тысяч "экспроприировали". Разыщу, непременно разыщу! Все приемы Шерлока Холмса в ход пущу, а уж разыщу!..

Твой **И. Д. Хлестаков.**

На концерте.

— Черт возьми, как я испугался, когда этот баритон запел.

— Почему?

— Точь-в-точь голос моего портного...

Плач обывателя.

(По случаю "перерезки" Чистопрудного бульвара).

Ты будишь злость в душе моей,
Трамвай, ты — хуже всякой кары!..
Доселе "резал" ты людей,
Теперь ты "резать" стал бульвары..
Твои зловредные труды
Мне лишь страданья причиняют.
Я плачу: Чистые пруды
Красу былую потеряют...
Не верю я своим ушам
И испускаю вздох глубокий:
Бульвар разрежут пополам
Из-за тебя, трамвай жестокий!..
Взамен цветов, взамен травы
Предстанет взору мостовая,
Загромыхает там, увы.
Теперь телега "ломовая"!..
Я выражаю свой протест
И думой я томлюсь докучной:
Ужель трамвай бульвары съест
В столице нашей злополучной?

Обыватель.

В адресном столе.

Веселый луч блеснул во мгле
Желает жизнь улучшить формы...
Читатель! В адресном столе
Уж зреют новые реформы...
Он в нищете влачил года,
Весьма далек от идеала,
И безысходная нужда
Его “чиновника” съедала…
И вот пришла благая весть,
Сомненье более не мучит:
Уж капитал потребный есть,—
Прибавку “адресник” получит...
Управа с помощью спешит,
И скоро это учрежденье
Иной, солидный примет вид,
И совершится превращенье.
Я предложить вопрос готов.
Его в душе таить мне кстати ль?
С реформой точность адресов
Там установится ль, читатель?
Тому назад недели две
Я о себе самом справлялся,
И что ж? “Не значится в Москве”—
Я прочитал, и... рассмеялся!
Ничто не прочно на земле
Где вы теперь найдете прочность?
Реформы в адресном столе
Нам адресов сулят ли точность?

Рцы-Мыслете

На маскараде.

— Послушай, маска, ты — не моя жена?
— Ну, конечно, нет. Можешь меня смело угостить ужином!..

Записки сумасшедшего.

Месяца выборов справа, слева, с центра. 469 числа февраля.

*** Удивительно непонятная штука этот народ! Читаешь правые газеты, говорят: «народ хочет абсолютизма», читаешь левые: «народ мечтает о народоправстве», читаешь средние газеты: “народ хочет конституции”.

Вот, и поди!

Оказывается, что “народ” и сам не знает, чего хочет.

Еду на извозчике, спрашиваю:

— Извозчик, ты — народ?

— Чего-с?

— Ты, — говорю, — народ?

— Вестимо, народ,—отвечает,

— А ты чего хочешь, абсолютизма или конституции?

— Ни в жисть не понять, не при нас писано.

— Да ты, собственно, чего хочешь?

— Известно, чего! Успокою... Чтобы, значить, все успокоилось.

— А как ты хочешь, чтобы тебя успокоили: справа или слева?

— Ох, с обеих сторон, милостивец. Уж какой же успокой с одной стороны... Надо, чтобы со всех сторон успокоили...

Так ни до чего и не договорились.

*** Концерт наш, о котором я писал в последний раз, удался на славу. Все артисты-любители имели успех; сбор громадный, дефицита всего 705 р. 43 1/8 к.

Не знаем только, с какого благотворительного общества взыскать деньги на покрытие

дефицита. 1/8 копейки внесет in corpore наша палата, вот с кого взять остальные?

*** У нашего философа опять похитили несколько мыслей:

а) Ничто на свете не требует такого усилия, как молчание.

б) Нет счастливее рабочего, который постоянно бастует.

в) Если хочешь потерять идеал женщины — женись.

г) Терпение—это искусство жить.

д) Если гимназистка выйдет из пятого класса... замуж, это еще не значит, что она кончила гимназию.

е) Адвокат, проигрывающий дело евреев, отнюдь не означает собою антисемита.

ж) Счастлив тот, чья невеста выйдет замуж за... другого.

*** Наш поэт, известный Л. А. Фет, приступил к составлению оды „На торжество победителей". Сегодня притащил сочинения Ломоносова и Державина, а начал с Пушкина:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?.

Что выйдет из оды — не знаем, но все, что выйдет, - сообщим. Терпение, читатель, терпение!

*** Теперь это терпение проповедует нам не Куропаткин, а наша городская Управа.

На днях спрашиваем одного из членов:

— Когда же, наконец, улучшатся порядки в больницах? — отвечает.

— Терпение,— говорит.

— А упорядочение цен на продукты первой необходимости?

— Терпение,— говорит.

Говорит, а сам все рвется.

— Да куда вы торопитесь?

— В Управу, — сегодня жалованье раздают.

Мы хотели было сказать ему "терпение", но он, видимо, "вышел из терпения", рванулся и убежал.

Значит, есть дела, в которых члены Управы принимают живейшее участие.

*** Сегодня я сижу и читаю газеты:

"Многие органы ведут кампанию против муниципалитета за деятельность, направленную к подавлению частной предприимчивости. Так, муниципалитет построил трамваи, обошедшиеся на 50% дороже обычной стоимости".

Все слушавшие кричат:

— Этого надо было ожидать... Это только у нас и возможно.

Я засмеялся и говорю:

— Позвольте, — говорю,— это газета "Standard" обличает муниципалитет Нью-Йорка. Сконфузились.

. . . . . .

Со слов Поприщина внука записал **майор Бревнов**.

Логика.

— Ну, если я в этом виде не произведу на него впечатления, то в следующий раз мне придется ехать к нему в глухом закрытом платье!..

Неожиданный оборот.

— И много у тебя долгов?
— Порядочно таки, дядя.
— Ну, вот и превосходно! Кто имеет много долгов, у того, значит, большой кредит. Не можешь ли ты для меня достать пятьсот рублей?

Я над "программою" три дня

Новая сценка.

— Как вам понравилась моя пьеса?
— Знаете, она уж слишком пяти-актна!

Новый заем.

(Монолог Москвы).

Все говорят, что я — бедна,
Об этом — толков масса.
А у меня опять полна
Вот скоро будет касса!..
Есть люди добрые кругом,
Занять где б можно было..
Свершаю новый я заем,
Какой числом — забыла!..
Банкиры мне на этот раз
Вручают куш охотно...
Заем свершаю я сейчас,
Ей-богу, беззаботно!
И не волнует грудь ничуть
Цепь новых обязательств:
Отдам банкирам как-нибудь,
Дождавшись "обстоятельств"!.
Есть много планов у меня,
Что делать с этой суммой, —
Сидела вместе с Думой.
И так, москвич, ты сосчитай:
Во-первых, моментально
Я электрический трамвай
Поставлю идеально.
Над мостовыми, во-вторых,
Я одержу победу,
И от булыжных мостовых
Я не оставлю следу.
"Почищу" всюду, там и тут,
Чтоб было всем приятно,
Велю в родильный я приют
Баб принимать бесплатно.
Не пожалею я, Москва,
Излишнего расхода,
И будет у меня не два,
А три водопровода...

Родя.

Говорят...

(Факты и слухи).

Говорят, что в одной из столичных технических контор заставляют служащих по очереди приходить на занятия и по праздникам.

Говорят, что если бы москвичи усерднее собирали кусочки остающегося хлеба, то этим хлебом можно было бы накормить не одну голодающую деревню.

Говорят, что москвичи, ездящие на тройках за город, испытывают на Петербургском шоссе настоящую "морскую качку", так как все шоссе в рытвинах и колдобинах.

Говорят, что среди фарсовой труппы подвизающейся сейчас в Каретном ряду, идут усиленные совещания для разрешения вопроса, что же еще снимать перед публикой? До сих пор все, что можно снимать, уже снято..

Говорят, что самоеды в Зоологическом саду объявили забастовку, требуя, чтобы для них по вечерам зажигалось... северное сияние. Администрация сада в большом затруднении.

Говорят, что на днях в одном из городских родильных приютов одна женщина родила двойню. В Управу по этому поводу поступил запрос: взыскивать ли с роженицы добавочные десять рублей за лишнего ребенка?

Говорят, что ввиду долгой и упорной зимы многие домовладельцы "прогорят", отапливая квартиры своих жильцов.

Говорят, что в Москве образуется клуб грудных младенцев, как протест против матерей, покидающих своих детей и отправляющихся в клубы...

Ухо.

"Всепартийный"

— Вы желаете знать, к какой я партии принадлежу? И к "левой", и к "правой": одинаково искусно обеими руками кошельки из карманов таскаю...

В Литературном кружке.

— Я — действительный член, и вы мне не выдаете билета на литературную беседу, мотивируя отказ тем, что билеты все розданы!..

— Как действительному члену, можем вам сказать, что билета действительно нет!

Р.

Понял.

На улице. У афишного столба.

— "Выставка графических искусств". Это что - же такое за штука - "графические искусства"?

— Чего же тут понимать, дура-голова? Значит, все вещи графскими руками сделаны!..

Размышление.

(К открытию новых линий трамвая).

Линии новые
Вот открываются...
Мысли суровые
В мозг забираются...
Вся территория
Станет трамвайная
Шире. История
Необычайная!
Видеть грядущее
Нет нам возможности...
Крикну лишь пуще я
Об осторожности.
Как знать? Убавится
"Сшибов" количество,
Или прибавится
"Жертв электричества"?
Мысли суровые
На душу падают:
Линии новые
Чем нас порадуют?..

XIII.

Печальное положение.

— У вас есть родственники?

— Да, но только все — дальние.

— А близкие?

— Близкие, к сожалению, все...

— Умерли?

— Нет, —разбогатели!..

М.

Мысли и изречения.

Скажите любой женщине, что она — "не такая, как все другие", и она непременно примет это за комплимент.

—

Не все тельцы, вокруг которых пляшут, — из золота.

—

Истинно благородный человек тяготится больше незаслуженной похвалой, чем незаслуженным порицанием.

—

Дети и безумные говорят правду. Оттого безумных запирают в "желтые дома", а детей отучают от правды.

—

Терпимость по отношению к другим — благородство, по отношению к себе — подлость.

—

Прочно стоять важнее, чем высоко стоять.

—

О каждом предмете существует только два взгляда: свой собственный и... ложный.

—

Каждая политическая партия относится с терпимостью только к своим ошибкам.

—

В прежние времена "ласкали взор". Теперь стараются чтобы "бросилось в глаза".

—

Завистливые люди очень усердно занимаются разрушением

—

Легкомыслие, принося одному счастье, другому, наоборот, дает только несчастье.

—

У одних слово—дело, у других... словарь.

—

Случается, что молчание очень много "говорит".

—

Легче остановить на ходу курьерский поезд, чем женщину, которая разболталась.

—

Из всех обетов для женщины труднее всего "обет молчания".

Он.

В клубе.

— Для чего же вы пришли сюда в маске?
— А для того, чтобы, если проиграюсь, могла у мужа взаймы взять: он меня не узнает!

На разных языках.

— Ах, я бы вечно хотел подавать вам манто!.
— Увы, к сожалению, это невозможно.
— Но почему же?
— У меня уже есть лакей!

Еще забастовка!..

(Картинка).

Актер Макбетов пришел в ресторан "Ливорно" и спросил самый маленький графинчик водки с казенной закуской, — кредит в ресторане у актера Макбетова был исчерпан, а наличный капитал его состоял из сорока копеек, причем двугривенный из этого капитала был если не положительно фальшивым, то все - же находился „под сомнением" и в двух местах, — в табачном магазине и в "дворянских" банях—его не приняли.

Актер Макбетов по причине финансового кризиса и потому еще, что режиссер на репетиции назвал его "Пироне", что было синонимом "сапожник", находился не в духе. Ему хотелось есть, и "казенная закуска" не могла удовлетворить его аппетита, а рядом с его столиком, как на зло, три купца удивительно смачно ели горячую буженину с хреном и заказывали во всеуслышание пельмени, требуя, чтобы в фарш было положено "свининки", "чуть,- чуть дичинки" и как можно больше „перчику, перчику!.."

Можно было бы познакомиться с этими купцами, хотя бы на почве искусства, и принять участие в буженине и пельменях, но один из купцов только- что заметил товарищу, что он очень любит ресторан "Ливорно", что тут хорошо и дешево кормят, но что "актера очень много".

— А тебе что? — спросил товарищ. — Пущай его!.. Ведь в меню его нет, актера-то, а если он сидит тут, так пущай...

— Не люблю я их! — заметил первый. — Трезвые графов и князей здесь играют, — не подступись к ним, а пьяные словно "братья-разбойники!.."

После такого разговора знакомиться было неудобно, да и купцы эти меценатов не напоминали.

— Повара не бастуют? - спросил актер у слуги, который подал ему графинчик и закуску.

— Нет-с... Утихомирились...

— Гм!.. Удовлетворили их, что ли?

— Да-с, отчасти удовлетворили...

— Гм!.. А вот на сих днях предстоит еще забастовка, новая...

— Чья же это-с? — спросил слуга, а гости с соседних столиков стали прислушиваться.

— Мы забастуем, актеры! — продолжал Макбетов.— И следует!.. Дело это еще пока назревает только, в зачаточном состоянии, так сказать, но я его разовью, я!.. Я буду инициатором этого дела, я буду, так сказать, "отцом освободительного движения актеров" и попаду в историю!

— Это уж обязательно-с! — согласился слуга. — История должна произойти форменная, и вас того-с... укомплектуют...

— Не эту "историю" я имею ввиду, мой милый, — поправил актер. Я говорю о скрижалях истории, на скрижали истории я попаду... И должна быть забастовка актеров, должна!.. Почему каждый приказчик, булочник, парикмахер имеет теперь праздничный отдых, а я, жрец искусства, артист, не имею?.. Ненормально!.. У парикмахера праздничный отдых, а я на репетицию иди; булочник сидит в воскресный вечер в недрах семьи своей, у домашнего очага, а я играй какого-нибудь идиота в идиотской пьесе для идиотской толпы!..

— Почему же в "идиотской" пьесе и "идиота"? — возразил с соседнего столика какой-то молодой человек. — Вы играете Шекспира, Островского, вы играете Чацкого, Жадова... Именно потому, что вы не парикмахер, не приказчик и не булочник, вы и не должны уклоняться от ваших обязанностей, который суть обязанности артиста, служителя искусства... Уж искусство то никоим образом не должно бастовать!..

Макбетов оглянулся на молодого человека и увидал, что тот пьет чай, — напиток, глубоко презираемый почти каждым жрецом искусства.

— Толкуйте! — небрежно отозвался он. — "Шекспира, Чацкого, Жадова!.." А если я должен играть "гостя" в еврейской пьесе и ходить на протяжении четырех актов загримированный жидом, молча ходить, играя только лицом?.. Попробуйте-ка!.. А если лакея?.. Я вот вчера семнадцать лет лакея играл!..

— Семнадцать лет?

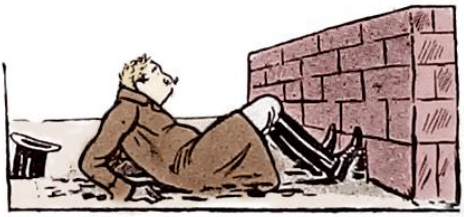
— Да-с, семнадцать лет!.. "Между первым и вторым актом проходит три дня; между вторым и третьим — год; между третьим и четвертым—шестнадцать лет", — сказано в ремарке. Вот я и играл лакея, гримируясь три раза, а всех слов только три: "жизнь наша каторжная!" Я эти слова сказал с такою силою, что стены должны были дрогнуть от аплодисментов, а никто и не щелкнул, только режиссер потом сказал после спектакля, что "лакеи таким тоном не говорят"... Ему, положим, лучше знать, каким тоном говорят лакеи, а я-то ушел огорченным... Три раза завтрак подавал я, два раза барыне калоши подавал, о девяти человеках докладывал, молча карточки подавая, и ведь никто за это "на чай" мне не дал, как настоящему лакею дают!.. Вот лакей-то послужит тут да вечером и пойдет домой, побрякивая чаевыми денежками в кармане, а я, сударь вы мой, семнадцать-то лет отслуживши, побрел к себе в Сущево пешком, без гроша, — мне дали "на чай" десятирублевую бумажку, но это была — увы! — бутафорская бумажка, декоратором нарисованная, да и ту у меня бутафор отобрал!.. Нет-с, я должен устроить актерскую забастовку и устрою!...

Слуга слушал его очень внимательно, потом подошел к нему, наклонился и шепотом сказал:

— Антон Фомич, если угодно, так я вам еще рубля на два доверю-с...

— Спасибо, Митя! — с чувством поблагодарил Макбетов и велел подать водки, килек с горячим картофелем и две порции ветчины с горошком...

Комар.



В отставку...
(Монолог "электрического" инженера).

Разрывается на части
Инженерская душа..
Сам себя лишаю власти,
Хоть она и хороша.
Электрическим трамваем
Управлял я, как глава,
И не раз был уличаем:
Злилась пресса и Москва.
У меня ль в трамвайном деле
Был, скажите, скверный прок?
Трансформаторы горели,
Исчезал куда-то ток...
Нынче я куплю машину,
Завтра, смотришь, порча в ней,
Порчи той ищу причину
Я со свитою моей...
Там, глядишь, "перегорело",
Здесь в "конструкции" разлад,
И из ста вагонов в дело
Годны только шестьдесят!..
Я Управе никакого
Не хочу отчета дать ..
Ну, так что же тут плохого
И за что меня ругать?
Что в трамвае непорядки —
Не великая беда,
Постоянные нападки
Мне несносны, господа!
И для вас менять едва ли
Буду "технику" свою.
Сами этого желали:
Я в отставку подаю!
Без опеки думской вашей,
Верьте, я смогу прожить,
"Электрическим папашей"
Не желаю больше быть!
Не желаю оставаться
С вами лишнего я дня...
Посмотрю, как управляться
Будет город без меня.
Ухожу я и не каюсь,
И смешон мне ваш протест...
Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест!..

Родя.

Говорят...
(Факты и слухи).

Говорят, что в наступившем феврале будет выпито меньше водки, потому что этот месяц на два дня короче остальных.

Говорят, что кружок московских "великосветских" дам собирает остатки пирожных, и чайного печенья для отсылки голодающим...

Говорят, что на московских улицах все увеличивается количество продаваемой порнографической литературы.

Говорят, что московские клубы никогда не введут у себя "праздничного отдыха".

Говорят, что благодаря осмотрам московские трактиры стали принимать более благообразный вид.

Говорят, что к открытию памятника Гоголю многие жгучие брюнеты превратятся в седовласых старцев.

Говорят, что в Москву из Америки приехали предприниматели, которые предлагают устроить "метрополитен".

Говорят, что в "смешанных" комиссиях по разработке праздничного отдыха происходит "смешение языков".

Говорят, что цена за пользование телефоном не будет до тех пор уменьшена, пока у всех столичных обывателей, без исключения, не будет висеть дома телефонного аппарата.

Говорят, что очистка снега этой зимой разорила многих мелких домовладельцев.

Говорят, что постройка виадука за Тверской заставой находится в настоящее время "на точке замерзания".

Говорят, что коршевские "пятницы" совершенно утратили свой прежний интерес.

Говорят, что на деньги, заплаченные за платье, в котором выступала Вяльцева на послед-

нем концерте, можно бы было прокормить целый голодающий уезд.

Ухо.

В дамском клубе.

— Пожалуйста, не приводите с собой больше Аглаю Дмитриевну. Она только мешает.

— Чем?

— Все время ничего не говорит!

М.